



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS  
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН  
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

[www.echr.coe.int](http://www.echr.coe.int)

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО «ШАЛЯ против РОССИИ»**

*(Жалоба № 27335/13)*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

13 ноября 2014 г.

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.*

**По делу «Шалья против России»,**

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая в составе Комитета, в состав которого вошли:

Ханлар Гаджиев, *Председатель*,

Эрик Мос,

Дмитрий Дедов, *судьи*,

а также Сорен Пребенсен, *исполняющий обязанности Заместителя Секретаря Секции*,

проведя 21 октября 2014 года совещание по делу за закрытыми дверями,

выносит следующее постановление, принятое в тот же день:

**ПРОЦЕДУРА**

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 27335/13), поданной в Суд 15 марта 2013 г. гражданином России Шалья Александром Викторовичем (далее - «заявитель») против Российской Федерации на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») в Суде были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, Г. Матюшкиным.

3. 19 декабря 2013 года жалоба, касающаяся чрезмерной продолжительности содержания заявителя под стражей до суда, была коммуницирована Властям, остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой.

**ФАКТЫ****1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель, 1981 года рождения, проживает в Краснодарском крае.

5. 29 ноября 2010 г. заявитель был задержан по подозрению в убийстве. 27 октября 2011 г. и в другие даты его дополнительно обвинили в том, что он состоит в членстве в преступном сообществе, а также в других преступлениях.

6. 27 января, 19 апреля, 19 июля, 20 сентября, 17 октября и 25 ноября 2011 года, 19 января, 16 апреля и 19 октября 2012 года и в другие даты разрешенный срок содержания заявителя под стражей был

продлен. Каждый раз суды основывались, главным образом, на тяжести предъявленных ему обвинений. 1 ноября 2012 года Краснодарский краевой суд рассмотрел и отклонил, в краткой форме, жалобы заявителя и его сообвиняемых касательно постановления о продлении срока содержания под стражей от 19 октября 2012 года.

7. Присяжные решили, что заявитель не виновен в преступлениях, в которых его обвиняли. 19 июня 2013 г. заявитель был оправдан и освобожден. 30 сентября 2013 г. Верховный Суд Российской Федерации оставил оправдательный приговор в силе.

8. Ссылаясь на свое «право на реабилитацию» согласно статьям 133-135 Уголовно-процессуального кодекса, заявитель подал иск против Федерального казначейства за упущенный доход и на возмещение судебных издержек. Он не добивался компенсации за моральный вред. Решением от 28 января 2014 г. Краснодарский краевой суд частично удовлетворил его иск.

## II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

9. Статья 133 Уголовно-процессуального кодекса регламентирует осуществление «права на реабилитацию», которое является, по сути, восстановлением *status quo ante* для лица после оправдания или прекращения уголовного дела. Данное право включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину, возмещается в полном объеме, независимо от вины следователя, прокурора или суда (ч. 1). Часть 2 предоставляет «право на реабилитацию» подсудимым, в отношении которых был вынесен оправдательный приговор; уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; уголовное преследование в отношении которых прекращено или в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. Тем не менее, право на компенсацию не действует, если преследование прекращается по «нереабилитирующим» основаниям, таким как амнистия или истечение срока исковой давности (ч. 4 ст. 133). Часть 3 предусматривает, что «право на реабилитацию имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу». В оправдательном приговоре суду необходимо явным образом упомянуть, что такое лицо обладает правом на «реабилитацию» (ст. 134). Требование компенсации материального вреда подлежит представлению в орган, вынесший решение об оправдании или решение о прекращении уголовного дела (ч. 2 ст. 135), при этом любые требования в отношении денежной

компенсации морального вреда подаются в порядке гражданского судопроизводства и рассматриваются согласно соответствующим положениям ГПК РФ (ч. 2 ст. 136).

## ПРАВО

### I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

10. Заявитель жаловался на то, что продолжительность его предварительного содержания под стражей была слишком долгой и явилась нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

#### А. Приемлемость

11. Власти отметили, что после вынесения в отношении него оправдательного приговора заявитель мог использовать свое «право на реабилитацию» согласно статье 133 Уголовно-процессуального кодекса. «Реабилитация» включает в себя выплату компенсации за ущерб, понесенный в связи с незаконным преследованием и незаконным применением меры пресечения, без наличия необходимости детально изучить, была ли данная мера применена в соответствии со статьей 5 Конвенции. Признание «права заявителя на реабилитацию» в оправдательном приговоре автоматически означало, что государство признало нарушение права заявителя согласно статье 5 Конвенции. Так как заявитель получил компенсацию за материальный ущерб и имел право подать иск на компенсацию за моральный ущерб без ограничения по времени, власти утверждали, что жалоба была неприемлемой либо в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты, либо в связи с утратой заявителем статуса потерпевшего.

12. Заявитель настаивал на своей жалобе.

13. Суд напомнил, что средство правовой защиты может считаться «эффективным», если оно способно либо предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение, либо предоставить соответствующую компенсацию за любое нарушение, которое уже произошло (см. дело «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and*

*Others v. Russia*), №№ 42525/07 и 60800/08, § 96, 10 января 2012 г., с дальнейшими ссылками).

14. Поскольку лицо, о котором идет речь, находилось в заключении, Суд решил, что иск о возмещении ущерба не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты в отношении жалоб в соответствии с пунктом 3 статьи 5 о чрезмерной продолжительности периода, проведенного в предварительном заключении. Это решение было основано на различии между правом на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда, которое закреплено в пункте 3 статьи 5, и правом на получение компенсации за незаконное содержание под стражей, предусмотренном в пункте 5 статьи 5. В ситуации продолжающегося предварительного заключения единственным средством правовой защиты, которое можно считать «эффективным» является то, которое способно привести к обязательному решению об освобождении рассматриваемого лица (см. дело «Гаврил Йосифов против Болгарии» (*Gavril Yosifov v. Bulgaria*), № 74012/01, § 40, 6 ноября 2008 г., с дальнейшими ссылками, и дело «Щеглюк против России» (*Shcheglyuk v. Russia*), № 7649/02, §§ 31-34, 14 декабря 2006 г.).

15. Однако, Суд также постановил, что когда оспариваемое содержание под стражей закончилось, иск о возмещении ущерба, который способен привести к объявлению содержания под стражей незаконным или чрезмерно долгим и к последующему присуждению компенсации, может являться эффективным средством правовой защиты, которое необходимо исчерпать, при условии, что его целесообразность была убедительно доказана (см. «Лавничак против Польши» (решение) (*Ławniczak v. Poland*), № 22857/07, § 41, 23 октября 2012 г., и дело Гаврила Йосифова (*Gavril Yosifov*), приведенное выше, § 42).

16. Далее Суд напоминает, что вопрос о том, были ли исчерпаны средства правовой защиты обычно определяется исходя из даты, когда жалоба была подана в Суд (см. дело «Бауманн против Франции» (*Baumann v. France*), № 33592/96, § 47, ЕСПЧ 2001-V (выдержки)). В рассматриваемом деле заявитель подал свою жалобу в Суд 15 марта 2013 г., тогда как оправдательный приговор по его уголовному делу был оглашен только 19 июня 2013 года. Следовательно, на момент подачи жалобы, у заявителя не было возможности подать иск на компенсацию в связи с его оправдательным приговором, что является отдельной причиной для отклонения возражения Властей относительно предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (сравните «Лавничак против Польши» (решение) (*Ławniczak v. Poland*), §§ 43-47, приведенное выше).

17. Даже допуская, что последняя ступень доступных средств правовой защиты могла быть использована после подачи жалобы, но до того как Суд был призван высказаться о ее приемлемости, Суд не может постановить, что заявитель не исчерпал какие-либо средства правовой защиты по своей жалобе о чрезмерной длительности своего предварительного заключения. Суд также постановил, что современное состояние российского деликтного права не позволяет лицу, не оправданному от уголовных обвинений, выдвинутых против него, получить компенсацию за предварительное заключение, осуществленное в нарушение статьи 5 Конвенции (см. дело *«Абашев против России»* (*Abashev v. Russia*), № 9096/09, § 30, 27 июня 2013 г.; *«Коршунов против России»* (*Korshunov v. Russia*), № 38971/06, § 62, 25 октября 2007 г., и *«Говорушко против России»* (*Govorushko v. Russia*), № 42940/06, § 60, 25 октября 2007 г.).

18. По утверждению Властей, в случае с оправдательным приговором ситуация отличается, так как оправдательный приговор в отношении заявителя означал, что его преследование было незаконным на внутригосударственном уровне и, следовательно, давал ему право на компенсацию в рамках процедур по «реабилитации». Понятие «незаконности» касалось всех аспектов содержания заявителя под стражей и предоставляло ему практическую возможность получить за него компенсацию на внутригосударственном уровне.

19. Этот довод является недостаточным, чтобы убедить Суд в эффективности данного средства правовой защиты. Трудно признать эффективным средство правовой защиты, доступность которого зависит от установления виновности или невиновности заявителя. Сам факт, что национальный суд признает, в соответствии с национальным законодательством, право лица на получение компенсации после оправдательного приговора или прекращения судопроизводства, не равносителен признанию того, что предварительное заключение было осуществлено в нарушение Конвенции. В ходе процедур по «реабилитации» российским властям не требуется изучать, и еще меньше требуется признавать, по меньшей мере, по существу, что содержание под стражей заявителя формально было ошибочным или было основано на недостаточных причинах, или превышало разумный период времени (см. дело *«Шерстобитов против России»* (*Sherstobitov v. Russia*), № 16266/03, §§ 100-101, 10 июня 2010 г., и *«Трепашкин против России»* (*Trepashkin v. Russia*), № 36898/03, § 69, 19 июля 2007 г.). Присуждение компенсации подлежит выполнению по особым условиям, не требуемых согласно пункту 3 статьи 5, а именно, оправдательный приговор заявителя или прекращение судопроизводства (см. дело *«Томаси против Франции»* (*Tomasi v. France*), 27 августа 1992 г., § 79, Series A № 241-A). Единственной причиной для присуждения заявителю компенсации является скорее

прекращение уголовного судопроизводства в отношении него, а не предполагаемые процессуальные нарушения во время предварительного заключения. Данное основание для компенсации не соответствует основанию жалобы заявителя согласно пункта 3 статьи 5, и поэтому в данном производстве невозможно возместить ущерб в связи с предполагаемым нарушением (см., с *соответствующими изменениями*, дело «*Хади против Хорватии*» (*Hađi v. Croatia*), № 42998/08, § 20, 1 июля 2010 г.).

20. По собственному признанию Властей, весь период предварительного заключения считается «незаконным» исходя из оправдательного приговора, без наличия необходимости подробного изучения того, было ли предварительное заключение осуществлено в соответствии со статьей 5 Конвенции. Любое возможное присуждение компенсации, которое может быть осуществлено в ходе «реабилитационных» процедур, не будет равносильно решению о том, что содержание под стражей не удовлетворяло требованиям статьи 5 Конвенции. Хотя действительно продолжительность содержания заявителя под стражей до суда может быть принята во внимание при расчете суммы компенсации, в рассматриваемом судопроизводстве ни прямо, ни косвенно не признается, что она была чрезмерной или нарушала пункт 3 статьи 5. Таким образом, несмотря на выплату суммы компенсации за время, проведенное заявителем в предварительном заключении, он все еще будет «жертвой» нарушения в значении статьи 34 Конвенции, пункта 3 статьи 5 (см. дело «*Лабита против Италии*» (*Labita v. Italy*) [GC], № 26772/95, §§ 143-144, ЕСПЧ 2000-IV).

21. Тот факт, что заявителю была присуждена компенсация за потерю заработной платы и за расходы, понесенные в ходе уголовного производства, не может повлиять на данную позицию. Данное присуждение компенсации было скорее результатом того факта, что он был оправдан, а не какого-либо выявления нарушения права, на которое он полагается в Суде. Присужденная заявителю компенсация не может считаться признанием или возмещением ущерба за нарушение прав по Конвенции, на которые он ссылается в настоящей жалобе. Поэтому она не может быть достаточной для того, чтобы лишить заявителя его статуса «жертвы» в значении статьи 34 Конвенции (см. дело «*Кучера против Словакии*» (*Kučera v. Slovakia*), № 48666/99, § 79, 17 июля 2007 г.).

22. Хотя любое присуждение компенсации в ходе «реабилитационных» процедур несомненно является мерой, благоприятной для заявителя, Суд напоминает, что даже благоприятная мера не является по существу достаточной для лишения его статуса жертвы предполагаемого нарушения, до тех пор, пока национальные власти не признают это, явно или по существу, а затем

не присудят компенсацию за нарушение Конвенции (см. «Скордино против Италии» (*Scordino v. Italy* (№ 1) [GC], № 36813/97, § 180, ЕСПЧ 2006-V). Как Суд обосновал выше, процедуры по «реабилитации» в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России не связаны с чрезмерной продолжительностью предварительного заключения и не могут привести к признанию предполагаемого нарушения права на судебное разбирательство в течение разумного периода времени или к освобождению до суда. Поэтому было бы неразумно требовать от заявителя возбуждения такого производства, которое не сможет привести к признанию нарушения Конвенции и, следовательно, не сможет лишить его статуса «жертвы» предполагаемого нарушения.

23. Суд постановил, что иск о компенсации ущерба в соответствии со статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса не является эффективным средством правовой защиты по жалобе заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5. Следовательно, возражение Властей должно быть отклонено. Поскольку настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 (а) статьи 35 Конвенции или неприемлемой по каким-либо иным основаниям, она, следовательно, объявляется приемлемой.

## В. Существо дела

24. Власти не представили каких-либо замечаний по существу дела.

25. Суд отметил, что период времени, который необходимо принять во внимание длился с 29 ноября 2010 г., даты задержания заявителя, до 19 июня 2013 г., даты его освобождения. Его общая продолжительность составила два года, шесть месяцев и двадцать дней.

26. Суд уже в большом количестве случаев рассматривал аналогичные жалобы против России в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции и обнаруживал нарушение указанной статьи на том основании, что внутригосударственные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей, опираясь на тяжесть обвинения, и используя стереотипные формулировки без учета конкретных обстоятельств заявителя или возможности альтернативных мер пресечения (см., в числе прочих, постановление Европейского Суда от 28 июня 2007 года по делу «Шухардин против России» (*Shukhardin v. Russia*), № 65734/01; постановление Европейского Суда от 3 июля 2008 года по делу «Белов против России» (*Belov v. Russia*) № 22053/02, постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу «Ламажик против России» (*Lamazhyk v. Russia*), № 20571/04; постановление Европейского Суда от 22 декабря 2009 года по делу «Макаренко против России» (*Makarenko v. Russia*), №5962/03;

постановление Европейского Суда от 1 апреля 2010 года по делу «Гультяева против России» (*Gultyayeva v. Russia*), № 67413/01; постановление Европейского Суда от 17 июня 2010 года по делу «Логвиненко против России» (*Logvinenko v. Russia*), жалоба № 44511/04; постановление Европейского Суда от 3 мая 2011 года по делу «Сутягин против России» (*Sutyagin v. Russia*), жалоба № 30024/02; постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 года по делу «Романова против России» (*Romanova v. Russia*), жалоба № 23215/02; постановление Европейского Суда от 24 января 2012 года по делу «Валерий Самойлов против России» (*Valeriy Samoylov v. Russia*), жалоба № 57541/09).

27. С учетом прецедентной практики по подобным делам и фактов настоящего дела, Суд устанавливает, что имело место нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

## II. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

28. Статья 41 Конвенции гласит следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

### А. Ущерб

29. Заявитель требовал 522 146,87 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда.

30. Власти отклонили его требования как необоснованные.

31. Суд не усматривает никакой причинной связи между установленным нарушением и заявленным материальным ущербом; поэтому он отклоняет данные требования. С другой стороны, он присуждает заявителю 2 700 евро в качестве компенсации морального вреда.

### Б. Издержки и расходы

32. Заявитель не требовал возмещения издержек и расходов.

### В. Проценты за просрочку платежа

33. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной

годовой процентной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобу приемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил, что*
  - (а) что в течение трех месяцев с момента вынесения постановления Власти государства-ответчика должны выплатить заявителю в качестве компенсации морального вреда 2 700 (две тысячи семьсот) евро за моральный ущерб, которые подлежат конвертации в валюту государства-ответчика по курсу, применимому на день произведения выплаты, включая любой налог, которым такая сумма может облагаться;
  - (б) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки Европейского Центрального Банка плюс три процента;
4. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 13 ноября 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Пребенсен  
И.О. Заместителя Секретаря

Ханлар Гаджиев  
Председатель